

Лекция №11. Тема: Движение романтизма. Немецкий идеализм.

Кант.

План:

1. Движение романтизма
2. Немецкий идеализм
3. Общий очерк философии Канта
4. Теория познания.
5. Теория пространства и времени
6. Этика.
  - Этикотеология.
  - Три основных вопроса философии
7. Социальная философия.
8. Эстетика Канта

1. Движение романтизма

С конца XVIII века до настоящего времени искусство, литература, философия и даже политика испытывали влияние мироощущения, которое в широком смысле может быть названо движением романтизма. Даже те, кто отвергал это мироощущение, были вынуждены считаться с ним.

Движение романтизма вначале не было связано с философией. С политикой, через Руссо, оно было связано с самого начала. Существо его заключается в восстании против принятых этических и эстетических норм.

Первой великой фигурой движения является Руссо, но в определенной степени он только выражал уже существующие тенденции. Культурные люди Франции XVIII века восхищались тем, что означает склонность к чувству, более конкретно - к сочувствию. Чтобы быть вполне удовлетворительным, чувство должно быть непосредственным и бурным и совершенно свободным от мысли. Чувствительный человек мог пролить слезы при виде одной нуждающейся крестьянской семьи, но он оставался бы холоден к хорошо продуманным схемам улучшения участи крестьянства как класса. Предполагалось, что бедный обладает большей добродетелью, чем богатый.

Мудрец представлялся как человек, который отказывается от развращенности двора, чтобы наслаждаться мирными радостями непритязательного деревенского существования. Один из поэтов писал:

«Счастлив человек, желания которого и забота

Ограничиваются несколькими отцовскими акрами.

Который довольствуется тем, что дышит родным воздухом

На собственной земле».

Руссо взывал к уже существующему культу чувствительности и придал ему широту и размах, которыми тот не мог иначе обладать. Он был демократом, но только в своих теориях, а не по своим наклонностям. В течение длительных периодов своей жизни он был бедным бродягой, к которому хорошо относились люди, только немногим менее нуждающиеся, чем он сам. Имея наклонности бродяги, он находил ограничения парижского общества утомительными. От него романтики научились презрению к

препятствиям, которые воздвигались условностями: вначале в платье и манерах, в менюэте и героическом куплете, затем в искусстве и любви и, наконец, во всей сфере традиционной морали.

Романтики не были людьми без морали. Напротив, их моральные суждения были остры и страстны. Но они основывались совершенно на других принципах, чем те, которые казались хорошими их предшественникам. На период с 1660 года до Руссо большое влияние оказывали воспоминания о религиозных и гражданских войнах во Франции, Англии и Германии. Люди осознавали опасность хаоса, анархических тенденций всех сильных страстей, важность безопасности и жертв, необходимых, чтобы добиться ее. Благоразумие рассматривалось как высшая добродетель, интеллект оценивался как наиболее эффективное оружие против губительного фанатизма; изысканные манеры превозносились как барьер против варварства. Упорядоченный космос Ньютона, в котором планеты неизменно вращаются вокруг Солнца по орбитам, стал воображаемым символом хорошего правления. Сдержанность в выражении была главной целью образования и первым признаком джентльмена. Во время революции французские аристократы, еще не знавшие романтизма, умирали тихо; мадам Ролан и Дантон, которые были романтиками, сопровождали свою смерть напыщенными речами.

Ко времени Руссо многие люди стали тяготиться безопасностью и начинали стремиться к возбуждению. Французская революция и Наполеон дали им возможность полностью насытиться этим чувством. Когда в 1815 году политический мир вернулся к спокойствию, это было спокойствие такое мертвое, такое суровое, такое враждебное всякой энергичной жизни, что только запуганные консерваторы могли примириться с ним. Следовательно, не было такой интеллектуальной покорности существующему положению вещей, которое было характерно для Франции при Короле Солнце и в Англии до Французской революции. Мятеж XIX века против системы Священного союза принял две формы. С одной стороны, имел место мятеж капиталистов, и пролетариата - против монархии и аристократии; он почти не носил следов влияния романтизма и был во многих отношениях возвращением к XVIII веку. Это движение было представлено философскими радикалами, движением фритредеров (сторонники свободной торговли, либералы) и марксистским социализмом.

Совершенно отличным от него был мятеж романтизма, который частично был реакционным, частично - революционным. Романтики не стремились к миру и тишине, но к энергичной и страстной индивидуальной жизни. Они не питали симпатий к капитализму потому, что погоня за деньгами казалась им недостойной бессмертной души, и потому, что рост современных экономических организаций препятствовал индивидуальной свободе. В послереволюционный период они пришли к политике постепенно, через национализм: считалось, что каждая нация имеет общую душу, которая не могла быть свободна до тех пор, пока границы государств отличались от границ наций. В первой половине XIX века национализм был наиболее

энергичным, революционным принципом, и большинство романтиков страстно поддерживали его.

Романтическое движение как целое характеризуется подменой утилитарных стандартов эстетикой. Земляной червь полезен, но не прекрасен. Тигр прекрасен, но не полезен. Дарвин (который не был романтиком) восхвалял земляного червя. Байрон восхвалял тигра. Мораль романтиков имела в первую очередь эстетические мотивы. Но для того чтобы охарактеризовать романтиков, необходимо принять во внимание не только важность эстетических мотивов, но также изменение вкуса, которое сделало их чувство прекрасного отличным от чувства прекрасного у их предшественников. Одним из наиболее очевидных примеров этого является их предпочтение готической архитектуры.

Если что-нибудь в деревне восхищало предшественников Руссо, то это был пейзаж изобилия, с богатыми пастбищами и тучными коровами. Руссо, будучи швейцарцем, естественно, восхищался Альпами. У его учеников в новеллах и рассказах мы находим дикие потоки, страшные пропасти, непроходимые леса, громовые штормы, бури на море и вообще то, что бесполезно, разрушительно и неистово.

Темперамент романтиков лучше всего изучать по беллетристике. Они любили то, что было странным: привидения, древние разрушенные замки последних меланхолических потомков когда-то великих фамилий, профессионалов месмеризма и оккультных наук, чувствительных тиранов и левантских пиратов. Романтики вдохновлялись только тем, что было великим, маловероятным и ужасным.

Движение романтизма, несмотря на то что оно ведет свое происхождение от Руссо, было вначале главным образом немецким. Во Франции, хотя и в ослабленной форме, оно процветало после Реставрации до Виктора Гюго. Хотя романтики питали склонность к католицизму, было нечто неискоренимо протестантское в индивидуализме их мировоззрения, и их непрерывные успехи в формировании обычаев, мнений и учреждений почти полностью ограничивались протестантскими странами.

Романтики восхищаются сильными страстями, безразлично какого рода и каковы бы ни были их социальные последствия. Романтическая любовь, особенно когда она несчастлива, достаточно сильна, чтобы заслужить их одобрение, но большинство сильнейших страстей разрушительно: ненависть, негодование и ревность, раскаяние и отчаяние, поруганная гордость и ярость несправедливо притесняемого, воинственный пыл и презрение к рабам и трусам. Следовательно, тип человека, поддерживаемый романтизмом, особенно в его байроновском варианте, - это склонный к насилию и антисоциальный, анархический бунтарь или побеждающий деспот. (Б. Рассел)

Причины того, что это мировоззрение обладает притягательной силой, лежат очень глубоко в природе человека и условиях его существования. Человек общественное существо, но необходимы религия и мораль, чтобы обуздывать его животные инстинкты. (Б.Р.)

Привычка воздерживаться от удовольствий в настоящем ради преимуществ в будущем утомительна, и когда возбуждаются страсти, трудно держать себя в благоразумных рамках общественного поведения. Те, кто в такие моменты отбрасывает их, приобретают новую энергию и ощущение силы от прекращения внутреннего конфликта, и, хотя в конце концов они могут попасть в беду, они наслаждаются чувством божественной экзальтации, которое, хотя известно великим мистикам, никогда не может быть испытано теми, чье поведение не выходит за рамки прозаической добродетели. Индивидуалистическая сторона их природы утверждает себя, но, если сохраняется интеллект, это утверждение должно облекать себя в миф. Мистик пребывает наедине с Богом и, созерцая бесконечное, чувствует себя свободным от обязанностей по отношению к своему ближнему.

Анархический бунтарь делает еще лучше: он чувствует себя не наедине с Богом, а самим Богом. Истина и долг, которые представляют собой наше подчинение матери и нашим ближним, не существуют больше для человека, который стал Богом.

Бунт индивидуалистических инстинктов против социальных уз является ключом к пониманию философии, политики и чувств - не только того, что обычно называется движением романтизма, но и его последователей вплоть до наших дней. Философия под влиянием немецкого идеализма стала солипсистской (реально только сознание), и самоусовершенствование было провозглашено основополагающим принципом этики.

Страстная любовь, однако, более сложное дело. Поскольку страстные любовники рассматриваются как люди, которые восстали против социальных оков, ими восхищаются. Но в реальной жизни отношения любви сами быстро становятся социальными оковами и партнера по любви начинают ненавидеть, и все более неистово, если любовь достаточно сильна, чтобы сделать узы такими, что их трудно разорвать. Следовательно, любовь начинают представлять как борьбу, в которой каждый стремится уничтожить другого, проникая сквозь защитительные барьеры его или ее Я.

Не только страстная любовь, но любые дружеские отношения к другим возможны при таком образе чувств лишь в той мере, в какой другие могут рассматриваться как проекция собственного Я. Это вполне осуществимо, если другие являются кровными родственниками, и чем более близкими, тем легче это осуществляется. Ницше, хотя и не в скандальном смысле, предпочитал свою сестру всем другим женщинам. "Как сильно я чувствую, - писал он ей, - во всем, что ты говоришь и делаешь, что мы принадлежим к одному и тому же роду. Ты понимаешь меня больше, чем другие, потому что мы одинакового происхождения. Это очень хорошо соответствует моей "философии"".

Принцип национальности, поборником которого был Байрон, является распространением той же самой "философии". Нация рассматривается как род, происходящий от общих предков и обладающий некоторым типом "кровного сознания".

Бертран Рассел пишет: «Вера в кровь и расу, естественно, ассоциировались с антисемитизмом. В то же время мировоззрение романтизма, отчасти вследствие своей аристократичности, отчасти потому, что оно предпочитало неистовую страсть вычислению, заключало в себе величайшее презрение к коммерции и финансам. Оно, таким образом, приводило к провозглашению своей враждебности к капитализму, которая резко отличается от враждебности социалистов, представляющих интересы пролетариата, поскольку враждебность романтизма основывается на отвращении к экономическим занятиям и усиливается убеждением, что капиталистический мир управляется евреями. Эта точка зрения выражена у Байрона в тех редких случаях, когда он снисходит до того, чтобы остановиться на чем-то столь вульгарном, как экономическая сила:

«Кто мировой рычаг своею сжал рукой?
Кто властвует на всех конгрессах - либеральных
Кто всем материкам удачей иль бедой
Грозит? Кто путь лошит политиков кабальных?
Жид Ротшильд с Бэрингом - собратья во Христе».

Стихи, возможно, не особенно музыкальные, но чувство вполне в духе нашего времени, и оно было подхвачено всеми последователями Байрона».

Движение романтизма, в сущности, ставило целью освобождение человеческой личности от пут общественных условностей и общественной морали. Но эгоистические страсти, однажды освобожденные, нелегко снова подчинить интересам общества. Христианство имело определенный успех в усмирении "Я". Но экономические, политические и интеллектуальные причины стимулировали мятеж против церкви, а движение романтизма перенесло мятеж в сферу морали. Поощрения нового, ничем не ограниченного "Я" ясно делали общественную кооперацию невозможной и поставили его последователей перед альтернативой анархии или деспотизма. Эгоизм поначалу заставлял людей ожидать от других отеческой нежности. Но, когда они открыли с негодованием, что другие имеют свое собственное Я, разочарованное желание нежности обратилось в ненависть и насилие. Человек - не одиночное существо, и, поскольку существует общественная жизнь, самоутверждение не может быть высшим принципом этики. (Б. Рассел)

2. Немецкий идеализм

Кант, Фихте и Гегель развили новый тип философии, стремящийся предохранить познание и добродетель от разрушительных учений конца восемнадцатого столетия. В целом немецкий идеализм имеет сходные черты с движением романтизма. Это очевидно у Фихте и еще более у Шеллинга. Меньше всего их у Гегеля.

Кант, основоположник немецкого идеализма, сам не представляет большого значения в политическом отношении, хотя он и написал некоторые интересные очерки по политическим вопросам. Фихте и Гегель, наоборот, оба выработали политические учения, которые имели и еще имеют мощное

влияние на ход истории. Их нельзя понять без предварительного изучения Канта. Критика познания как средство достижения философских выводов подчеркивается Кантом и принимается его последователями. Разум противопоставляется материи, что ведет в конце концов к утверждению, что только разум существует. Кант, Фихте и Гегель были университетскими преподавателями, обращающимися к учащейся аудитории, а не досужими джентльменами, чья философия адресовалась к любителям. Хотя результат их деятельности был частично революционным, сами они не были сознательными разрушителями; Фихте и Гегель очень определенно выступали в защиту государства. Образ жизни всех их был образцовый и академичный. Их взгляды на моральные вопросы были строго ортодоксальны. Они делали нововведения в теологии, но поступали так в интересах религии.

К середине XVIII века центр философского творчества в Европе перемещается в Германию. (До этого, вплоть до середины столетия, в культурной жизни Запада лидировали Франция и Англия). Хотя Германия в экономическом и политическом отношении оставалась по-прежнему страной крайне отсталой, раздробленной, она вышла на передовые рубежи в развитии духовной культуры — в философии и искусстве.

В философии особенно плодотворным было столетие 1750—1850 гг. Это время, когда родилась классическая немецкая философия. Основателем ее был Иммануил Кант (1724-1804).

3. Общий очерк философии Канта

Иммануил Кант (1724-1804) общепринято рассматривается как величайший из философов Нового времени. Вся его жизнь прошла в одном городе — Кенигсберге (ныне г. Калининград), а научная деятельность — в Кенигсбергском университете, где он прошел путь от студента до ректора. Его жизнь была академичной, и ее течение не нарушали никакие события, хотя он жил во время семилетней войны (когда русские войска вошли в Берлин и оккупировали Восточную Пруссию), Французской революции и раннего периода карьеры Наполеона. Первые научные работы Канта относятся к 1746 году, последние были написаны незадолго до смерти. Весь этот почти 60-летний творческий путь биографы Канта делят на два периода: до и после 1770 года. Первый из них принято называть «докритическим», второй — «критическим».

Он был воспитан в уважении к философии Лейбница, но пришел к ее отрицанию под влиянием Руссо и Юма. Юм своей критикой понятия причинности пробудил его от догматического сна. Юм для Канта стал противником, которого следовало опровергать.

Влияние Руссо на него было более глубоким. Кант был человеком таких постоянных привычек, что люди заводили свои часы в тот момент, когда он выходил из своих дверей на прогулку, но однажды его расписание было сорвано в течение нескольких дней: это было, когда он читал "Эмиля".

Он говорил, что должен был читать книги Руссо несколько раз, потому что при первом чтении прелесть стиля мешала ему замечать

содержание. Он был либералом и в политике, и в теологии. Он симпатизировал Французской революции до режима террора и верил в демократию. Его принцип, что каждый человек должен рассматриваться сам по себе как цель, является формой учения о правах человека, и его любовь к свободе проявляется в его словах: "не может быть ничего более ужасного, чем то, что действия человека должны быть подчинены воле другого".

Ранние работы Канта более относятся к науке, чем к философии. После землетрясения в Лиссабоне он написал работу по теории землетрясений. Он написал трактат о ветре и короткое сообщение по вопросу о том, является ли западный ветер в Европе влажным вследствие того, что он пересекает Атлантический океан. Физическая география была предметом, к которому он проявлял наибольший интерес.

Наиболее важным из его научных сочинений является "Всеобщая естественная история и теория неба" (1755), которая предвосхищает гипотезу Лапласа о происхождении Солнечной системы из туманностей. Кант выдвинул гипотезу, согласно которой наша и другие планеты — это осколки Солнца, постепенно остывшие. Эта гипотеза была большим шагом вперед по сравнению со старыми метафизическими представлениями о неизменности природы.

Идеи Юма заставили Канта задуматься над очень важным вопросом: могут ли наши знания носить объективный, т.е. необходимый и достоверный, характер? Если прав Юм и причинно-следственные связи — это только психологическая привычка, то наука невозможна. Кант ставит перед собой задачу: спасти науку от разрушающего действия на нее скептицизма Юма.

В 1770 году 46-летним Кантом была написана профессорская диссертация: «О форме и принципах чувственного и умопостигаемого миров», в которой автор принципиально пересмотрел свои позиции по ряду фундаментальных вопросов, и прежде всего по вопросу о природе пространства и времени. Пространство и время теперь трактуются Кантом не как объективные формы внешнего мира, а как априорные, т.е. доопытные, присущие сознанию формы созерцания. Это положение (особенно касающееся времени) Кант считал важнейшим во всей своей философии. Он даже говорил так: кто опровергнет это мое положение, тот опровергнет всю мою философию. В естествознании Кант считал себя продолжателем идей и трудов Ньютона, разделяя его концепцию пространства и времени как объективно существующих, но «пустых» вместилищ материи.

Наиболее важной книгой Канта является "Критика чистого разума" (1-е изд. в 1781 году, 2-е изд. в 1787 году). Цель этой работы состоит в том, чтобы доказать, что никакое знание не может выйти за пределы опыта.

Согласно Канту, внешний мир дает только материю ощущения, но наш собственный духовный аппарат упорядочивает эту материю в пространстве и во времени и доставляет понятия, посредством которых мы понимаем опыт. Вещи в себе, которые являются причинами наших ощущений, непознаваемы; они не находятся в пространстве и во времени, не являются субстанциями, не могут быть описаны каким-либо из тех общих

понятий, которые Кант называет "категориями". Пространство и время субъективны, они являются частью нашего аппарата восприятия. Но именно поэтому мы можем быть уверены, что все, что бы мы ни воспринимали, будет выявлять характеристики, рассматриваемые геометрией и наукой о времени.

Свое философское учение теперь Кант называет критическим. Свои главные работы, в которых изложено это учение, философ назвал так: «Критика чистого разума» (1781 г.), «Критика практического разума» (1788 г.), «Критика способности суждения» (1789 г.). Что же здесь имеется в виду под словом «критика»? До сих пор, поясняет Кант свою мысль, философы исследовали мир (с помощью разума), но не исследовали сам разум, т.е. не исследовали сам инструмент, само орудие познания. Поэтому всю прежнюю философию Кант называет догматической, слепо верящей в способности разума, хотя эти способности (границы разума) никто не проверял, «Критика» — и есть такая проверка. Все три упомянутых кантовских произведения (их иногда так и называют: «Три критики») объединены общей целью, общим замыслом; исследовать три «способности души» — способность познания, способность желания (волю, моральное сознание) и способность к чувству удовольствия (эстетическую способность человека), установить взаимосвязь между ними.

Первая задача — предмет теории познания, вторая — предмет этики, третья — предмет эстетики (учения о прекрасном и возвышенном), сюда же Кант относит и вопросы целесообразности в живой природе. «Конечные цели чистого применения нашего разума», т.е. высшие проблемы культуры, которые и составляют предмет философии, сосредоточены вокруг следующих вопросов: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?»

4. Теория познания.

Процесс познания, по Канту, проходит три ступени: 1) чувственное познание, 2) рассудок и 3) разум. Исходная посылка, на первый взгляд, формулируется материалистически: признается существование внешнего предметного мира (так называемых «вещей-в-себе», воздействующих на наши органы чувств и порождающих наглядные представления). Предмет эмпирического наглядного представления — это явление; в нем две стороны: 1) его материя, или содержание, которая дается в опыте, и 2) форма, приводящая эти ощущения в определенный порядок. Форма — априорна, от опыта не зависит, т.е. находится в нашей душе до и независимо от всякого опыта.

Таких чистых форм чувственного наглядного представления две: пространство и время. Кант отказывается, как это он делал раньше, признать пространство и время объективными формами материального мира. Теперь он считает иначе: в мире вещей-в-себе ни пространства, ни времени нет. Пространство и время — лишь субъективные формы созерцания, налагаемые нашим сознанием на внешние предметы. Такое наложение является необходимым условием познания: вне пространства и времени мы ничего

познать не можем. Но именно поэтому между вещами-в-себе и явлениями лежит непроходимая пропасть (трансцензус): мы можем знать только явления и ничего не можем знать о вещах-в-себе.

Такую позицию Канта нельзя оценить иначе как дуалистическую: вещи-в-себе существуют вне нас, но они не познаваемы. Как же доказывает Кант субъективный характер пространства и времени? В конечном счете аргументы философа сводятся к тому, что всем людям, и прошлым и нынешним поколениям, присущи одни и те же представления пространства и времени, которые не может изменить никакой опыт и никакая наука.

В идее априоризма до сих пор есть рациональное зерно. В индивидуальном сознании человека (человека определенного времени, определенной культуры) унаследованы, почерпнуты из социального опыта, усвоены и распределены в процессе общения такие формы сознания (мыслительные образования), которые выработаны исторически «всеми», но никем в отдельности. Пояснить это можно на примере языка: его специально никто не «придумал», но он есть и дети ему учатся от взрослых. Априорными (по отношению к индивидуальному опыту) являются не только формы чувственного познания, но и формы работы рассудка — категории.

Рассудок — это вторая ступень познания. (Первая — чувственность). Посредством чувственности, считает Кант, предмет нам дается. Но мыслится он посредством рассудка. Познание возможно лишь в результате их синтеза. Орудия, инструмент рассудочного познания — категории. Они присущи рассудку изначально. Многообразие явлений накладывается на сеть категорий, которые придают нашему знанию уже не эмпирически случайный, а всеобщий, необходимый, т. е. научный, характер. Научное знание есть знание категориальное. Кант рассуждает, что рассудок не открывает законы природы, а диктует природе их. Единство категорий и познавательная (синтетическая) способность их имеют своим источником, по Канту, не объективное материальное единство мира, а трансцендентальное единство самосознания.

Сила рассудка — в его синтетической способности. Но эта способность у него не полная, не безграничная. Она ограничена пределами опыта, за эти границы рассудок выйти не может. Однако сам рассудок не знает своих собственных границ, да и знать их не хочет! Он постоянно преступает эти границы, т.е. стремится из мира явлений (на который только и распространяется его законодательная власть) проникнуть в мир вещей-в-себе. Но, покинув границы опыта (став, тем самым, уже не рассудком, а разумом), он попадает в область неразрешимых противоречий, а его суждения становятся иллюзорными.

Разум — это третья, высшая ступень познавательного процесса. Разум уже не имеет прямой, непосредственной связи с чувственностью, а связан с ней опосредованно — через рассудок. Разум — высшая ступень познания, хотя во многом он «проигрывает» рассудку. Разум, покинув твердую почву опыта, не может дать однозначного ответа — «да» или «нет» — ни на один из вопросов мировоззренческого уровня. Имеет ли мир начало

во времени и в пространстве или он бесконечен и вечен? Бессмертна или смертна душа человека? Существует ли свобода воли или в мире нет никакой свободы, а все совершается по закону естественной необходимости? Есть бог или нет бога? — рассудок бы не дерзнул ставить такие вопросы. Разум — дерзает, но безуспешно. Его претензии чрезмерны. Чистый теоретический разум должен смириться, признать свое поражение, ибо вещи-в-себе для него непознаваемы.

Но почему же он, несмотря на это, признается высшей ступенью, высшей инстанцией познания — не твердо стоящий на своих ногах рассудок, а противоречивый, вводящий нас в заблуждение разум? Именно потому, что чистые идеи разума (Кант называет их принципами) выполняют высшую регулятивную роль в познании: они указывают направление, в котором должен двигаться рассудок. Идеи разума можно сравнить с линией горизонта, которая, хотя и недостижима, дает возможность человеку ориентироваться в пространстве, идти правильно к намеченной цели. И все же Кант остался в теории познания метафизиком: противоречивость разума (т.е. противоречивость бесконечности) он истолковывал как признак слабости, неспособности разума проникнуть в сущность вещей.

В «Критике чистого разума» Кант делает вывод о том, что философия может быть наукой не о вещах-в-себе (о высших ценностях мира), а только наукой о границах познания. Высшие сущности (и высшие ценности) — это Бог, душа и свобода, они не даны нам ни в каком опыте, рациональная наука о них невозможна. Однако теоретический разум, будучи не в силах доказать их бытие, не в силах доказать и обратное, т.е. он не запрещает верить в бытие Бога, в бессмертие души и в свободу воли. Человеку дана возможность выбора — между верой и неверием. И он должен выбрать веру, так как этого требует от него голос совести, голос морали. Но это уже переход от теоретического разума к разуму практическому, переход от гносеологии к этике.

Кант вместе с тем выдвигает собственный, «онтологический» аргумент, основанный на признании необходимости какого-то существования (если ничего не существует, то нет материала для вещей, и они невозможны; но невозможное невозможно, а значит какое-то существование необходимо) и отождествлении этого первосуществования с Богом.

Эта концепция впоследствии была обозначена Кантом как трансцендентальный идеализм. Одним из ее следствий оказывается методологический вывод о недопустимости смешения чувственных и рассудочных понятий. Ведь сама возможность помыслить вещи сами по себе свидетельствует, что способность мышления (рассудок) не ограничивается в своем применении миром чувственных феноменов.

«Критика чистого разума», одно из самых знаменитых произведений в истории мировой философии, образует первую часть критической системы Канта, а именно так называемую «теоретическую философию», отвечающую на вопрос «что я могу знать?». «Практическая философия» и продолжающая

ее философия религии, изложенные Кантом в «Критике практического разума» (1788) и других работах, отвечают на два других неизбежных для любого человека вопроса: «что я должен делать?» и «на что я могу надеяться?». Роль связующего звена между «Критикой чистого разума» и «Критикой практического разума» играет «Критика способности суждения» (1790). В «Критике чистого разума» Кант строит систему основоположений чистого рассудка, совпадающих с законами природы как мира явлений. В «Критике практического разума» он рассуждает об основах морали и о ноуменальной свободе человеческой воли как условии морального сознания. «Критика способности суждения» наводит мосты между миром природы и миром свободы через анализ понятия целесообразности.

5. Теория пространства и времени

Большая часть "Критики чистого разума" посвящена показу трудностей, которые возникают из применения пространства и времени или категорий к вещам, которые не воспринимаются. Когда это происходит, то, как утверждает Кант, мы приходим к "антиномии", то есть к взаимно противоречащим суждениям, каждое из которых может быть доказано очевидным образом. Кант приводит четыре такие антиномии, каждая из которых содержит тезис и антитезис.

В первой антиномии тезис утверждает: "Мир имеет начало во времени и ограничен также в пространстве". Антитезис гласит: "Мир не имеет начала во времени и безграничен в пространстве. Он бесконечен и во времени и в пространстве".

Вторая антиномия доказывает, что каждая сложная субстанция и состоит, и не состоит из простых частей.

Тезис третьей антиномии утверждает, что существует два рода причинности: один - соответствующий законам природы, другой - свободе. Антитезис утверждает, что существует только одна причинность, соответствующая законам природы.

Четвертая антиномия доказывает, что существует и не существует абсолютно необходимое Существо.

Эта часть "Критики" оказала очень большое влияние на Гегеля, диалектика которого развивается всецело путем антиномий.

Кант приводит свои основания для веры в Бога. Имеется, говорит он, только три доказательства существования Бога посредством чистого разума. Это онтологическое доказательство, космологическое доказательство и физико-теологическое доказательство.

Онтологическое доказательство, как он его излагает, определяет Бога как наиболее реальное бытие, то есть субъект всех предикатов (содержание суждения, сказуемое), которые принадлежат бытию абсолютно. Тем, кто верит в правильность доказательства, утверждается, что, поскольку "существование" является таким предикатом, этот субъект должен иметь предикат "существования", то есть должен существовать.

Космологическое доказательство гласит: если что-либо существует, то абсолютно необходимое Существо должно существовать; теперь я знаю, что я существую, следовательно, абсолютно необходимое Существо существует.

Физико-теологическое доказательство есть обычное доказательство от противного, но в метафизическом одеянии. Оно утверждает, что Вселенная обнаруживает порядок, который представляет собой доказательство существования цели. Это рассуждение исследуется Кантом с большим вниманием, но он указывает, что в лучшем случае оно доказывает только Зодчего, а не Творца и, следовательно, не может дать правильного понятия Бога. Он заключает, что "единственной теологией разума, которая возможна, является та, которая основана на законах морали или ищет в них гарантии".

Бог, свобода и бессмертие, говорит он, являются тремя "идеями разума". Но, хотя чистый разум приводит нас к тому, чтобы сформировать эти идеи, он не может сам доказать их реальность. Значение этих идей практическое, то есть связанное с моралью. Чисто интеллектуальное применение разума ведет к трудностям. Единственное правильное использование направлено на моральные цели.

6. Этика.

Понятие морали Кант связывает с безусловным долженствованием, т. е. с ситуациями, когда мы сознаем, что должны поступать так-то и так-то, просто потому, что так надо, а не по каким-то другим причинам. В качестве безусловных, моральные требования возникают из разума, только не теоретического, а «практического», определяющего волю. Человеческая воля не автоматически следует моральным предписаниям (она не является «святой»), подобно тому, как вещи следуют законам природы. Эти предписания выступают для нее в качестве «категорического императива», т. е. безусловного требования. Безусловность «категорического императива», выражающего моральный закон, определяет бескорыстность нравственных мотивов и их независимость от эгоистичных устремлений, «чувственных склонностей».

Этическая система Канта, изложена в его "Метафизике морали" (1785), имеет выдающееся историческое значение. *Эта книга содержит "категорический императив", который общеизвестен вне круга профессиональных философов.* Кант не удовлетворяется утилитаризмом или каким-либо другим учением, которое дает морали цель вне ее самой. Он хочет, как он говорит, "полностью изолированной метафизики морали, которая не смешана с какой-либо теологией, или физикой, или сверхфизикой". Все моральные понятия, продолжает он, имеют свое место и происхождение всецело в разуме. Моральная ценность существует только тогда, когда человек действует, исходя из чувства долга.

Имеется два типа императива: условный императив, который гласит: "вы должны сделать то-то и то-то, если вы желаете достигнуть такой-то и такой-то цели", и категорический императив, который гласит,

что определенный тип действия объективно необходим безотносительно к цели.

Всеобщий закон нравственности возможен и необходим потому, настаивает Кант, что в мире имеется нечто такое, существование чего включает в себе и высшую цель и высшую ценность. Это «нечто» — человек! Такой закон, как априорный принцип конечной цели, Кант называет категорическим императивом (обязательным повелением): каждый человек, независимо от его положения в обществе, должен поступать так, чтобы этот поступок могли бы — к всеобщему благу — совершить и все другие, или, иначе говоря, — чтобы воля индивида могла стать всеобщим законодательством.

Кант дает в качестве примера действия категорического императива следующий факт: неверно занимать деньги, потому что если бы мы все старались сделать так, то не осталось бы денег, для того чтобы занимать. Таким же образом можно показать, что воровство и убийство осуждаются категорическим императивом. Но существуют некоторые действия, которые Кант определенно расценил бы как ошибочные, но ошибочность которых не может быть показана из его принципов, как, например, самоубийство. Было бы вполне возможно для меланхолика желать, чтобы каждый покончил жизнь самоубийством.

Учение Канта о свободе — в каком-то смысле кульминационный пункт новоевропейской философии человека. Человек свободен всегда, но моральным он становится лишь в том случае, если следует категорическому императиву: «Поступай так, чтобы максима твоей воли во всякое время могла бы иметь также и силу принципа всеобщего законодательства». Абстрактность этой знаменитой формулировки вызвана тем, что к моральному закону как порождению чистого практического разума не должны примешиваться никакие содержательные, чувственные моменты. качество всеобщего принципа не отрицает себя, то это еще не значит, что оно морально. К примеру, если человек не развивает в себе свои способности, а решает «употребить свою жизнь только на увеселения, праздность, размножение», то хотя такой образ действий, по Канту, аморален, «природа все-таки еще могла бы существовать по такому всеобщему закону» (1:3, 149). Поэтому здесь нужен дополнительный, уточняющий вопрос: хотел бы я, чтобы поступок или максима, из которой он вытекает, стали принципом или формой всеобщего законодательства? Такое уточнение сближает кантовскую формулировку морального закона с «золотым правилом нравственности»: поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой (или, в отрицательном виде — «чего не хочешь для себя, того не делай другим»). Отметим, правда, что Кант не отождествлял их и говорил, что это правило является всего лишь следствием морального закона, полученным при определенных ограничениях. И в самом деле, кантовский моральный закон допускает следующую переформулировку: поступай так, как хочешь, чтобы поступали люди друг с другом. В этом варианте отсутствуют неприемлемые для Канта «эгоистичные» оттенки, очевидные в «золотом правиле», и

желание в данном случае вытекает из природы человека как разумного существа вообще.

Так или иначе, но кантовская этика далека от абстрактности, в которой ее иногда упрекали. Не является Кант и сторонником аскетической морали. Напротив, он подтверждает право человека на удовлетворение своих чувственных склонностей, т. е. на счастье. Но человек должен быть достоин счастья, а достоинство состоит лишь в моральном образе мышления. «Высшее благо», таким образом, оказывается единством добродетели и счастья, причем моральный настрой и поведение имеют приоритет над стремлением к счастью, которое должно было бы выступать наградой за добродетель. Однако в нашем мире непосредственная, или естественная, связь между добродетелью и счастьем отсутствует. Поэтому мы должны допускать существование Бога, который в нашей посмертной жизни согласует одно с другим.

Этикотеология.

Кант признает возможность построения этикотеологии, заменяющей традиционную «естественную теологию». Следует, однако, иметь в виду, что этикотеология доказывает не существование Бога, а необходимость веры в Бога для поддержания нравственного образа мыслей. В «Религии в пределах одного разума» (1793) Кант утверждал, что лишь такая «моральная вера» может быть основанием «истинной религии». В идеале эта религия разума, которой, как считал Кант, ближе всего соответствует христианство, должна вытеснить все «статутарные», «богооткровенные» формы религиозной жизни. Впрочем, последние могут мирно уживаться с моральной верой и даже укреплять ее — но не должны считаться основой богопочитания. Последнее достигается лишь добрыми намерениями. Внешняя обрядность, молитва и другие подобные действия не имеют самостоятельного значения и могут быть полезны только в качестве средств оживления морального образа мыслей.

Допущение возможности самостоятельно делать выбор, т. е. абсолютной свободы воли, является, по Канту, первым постулатом практического разума. Двумя другими постулатами он признает тезисы о существовании Бога и бессмертии души (вера в которое проистекает из необходимости совершенствования души, которое может продолжаться до бесконечности). Слово «постулат» должно подчеркнуть, что эти допущения не равносильны для Канта полной теоретической достоверности. И Кант утверждает, что отсутствие знания о бытии Бога и бессмертии, взамен которого у человека есть только вера или надежда, позволяет спасти бескорыстность долга и свободу личности. Полное знание принуждало бы людей вести себя определенным образом, «их поведение превратилось бы просто в механизм, где, как в кукольном представлении, все хорошо жестикулируют, но в фигурах нет жизни». При этом «перестала бы существовать моральная ценность поступков, к чему единственно сводится вся ценность личности и даже ценность мира в глазах высшей мудрости».

Кант отклоняет религиозную мораль: мораль, считает он, не должна зависеть от религии. Напротив, религия должна определяться требованиями морали. *Человек, другими словами, не потому морален, что верит в Бога, а потому верит в Бога, что это вытекает как следствие из его нравственности. Но, так или иначе, мораль и вера открывают, по Канту, для человека вход в тот мир, который закрыт для науки. Кант прямо заявляет, что вынужден был ограничить место знанию, чтобы освободить его для веры.*

Три основных вопроса философии

Могут, утверждает Кант, быть сведены к одной-единственной проблеме: «Что такое человек?» Не следует, однако, забывать, что человек, по Канту, может изучаться по-разному. Его можно изучать эмпирическими методами, наблюдая проявления человеческой природы в различные эпохи и в разных культурах и обращая внимание на возможности усовершенствования человека в целом и его различных способностей в частности. Такая методика характерна для антропологии, и результаты подобных исследований были обнародованы Кантом в «Антропологии с прагматической точки зрения».

Другой способ исследования человека базируется не на опыте, а на философской рефлексии, и он позволяет выявить априорные формы трех основных способностей человека, а именно способности познания, желания и так называемой способности удовольствия-неудовольствия. Такой подход к человеку тоже можно называть антропологией, но это будет особая, «трансцендентальная» антропология. Ее тезисы подробно развернуты в трех кантовских «Критиках».

Так критика теоретической способности человека должна быть продолжена метафизикой природы, практической — метафизикой нравов. Кант действительно создал не только «критические», но и «догматические», прикладные части своей философии, опубликовав «Метафизические начала естествознания» (1786) и «Метафизику нравов» (1797).

7. Социальная философия.

В поздних сочинениях Кант часто обращался к теме общественного прогресса. Он считал, что общество в целом, как и индивиды, нацелено на совершенствование. Впрочем, если в совершенствовании личностей решающую роль играют моральные мотивы, то общество развивается естественным путем. Людям, по Канту, от природы свойственна так называемая «необщительная общительность», т. е. им, с одной стороны, присуща склонность к общению, с другой — «сильная склонность уединяться (изолироваться) ... желание сообразовывать все только со своим разумением». Эти качества порождают антагонизм и конкуренцию между людьми, в процессе которой происходит развитие их природных задатков, главным из которых являются их рассудок и разум. Постепенно эти способности развиваются в общей массе до такой степени, что люди находят в себе мужество отказаться от внешнего руководства со стороны религиозных и других наставников и решаются самостоятельно пользоваться

разумом — начинается эпоха Просвещения, главным девизом которой является именно призыв к самостоятельному мышлению.

Необходимым условием просвещенного состояния человечества является признание универсальной ценности свободы слова и других прав личности. Эти права могут быть в полной мере реализованы лишь во «всеобщем правовом гражданском обществе». В таком обществе созданы наиболее благоприятные условия для раскрытия индивидом своих природных задатков. Свобода одних членов общества может ограничиваться здесь только свободой других. Препятствием на пути создания всеобщего правового гражданского общества оказываются войны и международные конфликты. Кант, однако, предвосхищает установление «вечного мира», надежным залогом которого может стать создание всемирного федеративного государства.

В трактате "О вечном мире" (1795) он защищает федерацию свободных государств, связанных вместе договором, запрещающим войну. Разум, говорит он, всецело осуждает войну, которую может предотвратить только международное правительство. Гражданская конституция отдельных государств должна быть "республиканской", но он придает этому слову то значение, что исполнительная и законодательная власть отделены. Он не имеет в виду, что не должно быть короля: в действительности он говорит, что легче всего добиться совершенного управления при монархии. Находясь под впечатлением режима террора, он с подозрением относился к демократии. Он говорил, что она с необходимостью приводит к деспотизму, поскольку устанавливает исполнительную власть. "Так называемый "народ в целом" осуществляет мероприятия не всех, а только большинства; таким образом, здесь всеобщая воля находится в противоречии с самой собой и с принципом свободы". После 1933 года этот трактат вызвал то, что Кант впал в немилость в своей собственной стране.

8. Эстетика Канта

Мир природы — мир феноменальный. Мир свободы — мир умопостигаемый (мир вещей-в-себе). Они так бы и оставались несоприкасаемыми, чуждыми друг другу, если бы между областями природы и свободы не был переброшен «мост» — не выявлена была бы еще одна способность души, равно возвышающаяся над первыми двумя и объединяющая их. Такой способностью является способность суждения (в эстетике — это суждения вкуса: суждения о прекрасном и возвышенном). Она глубочайшим образом связана со способностью человека (данной ему культурой) испытывать чувство удовольствия от соприкосновения с феноменом целесообразности мира — природного и сотворенного самим человеком. Но последнее — сотворенная целесообразность — есть искусство. Ему принадлежит величайшая роль — увенчать культуру, преодолеть антиномию явления и сущности, природы и свободы.

В центре эстетического учения (это предмет третьей кантовской «Критики» — «Критики способности суждения») — исследование категорий «прекрасное» и «возвышенное», а также проблема «Гения» — художника.

Оригинальность кантовского понимания прекрасного заключается в том, что прекрасное философ связывает с «незаинтересованным», бескорыстным, чистым созерцанием: чувство прекрасного свободно от жадности обладания, от любых помыслов вождения, и поэтому оно выше всех других чувств.

Ощущение возвышенного рождается из сложной диалектики чувств: наши сознание и воля сначала подавляются величию — бесконечностью и мощью природы. Но это чувство сменяется противоположным: человек ощущает, осознает не свою «малость», а свое превосходство над слепой, бездушной стихией — превосходство духа над материей. Воплощение эстетического духа — художник — творит свой мир свободно. Высшие творения художественного гения бесконечны, неисчерпаемы по содержанию, по глубине заключенных в них идей.

1. *Кант И.* Сочинения: В 8 т. М., 1994.

2. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1998.

3. *Кант И.* Из рукописного наследия. М., 2000.

4. *Асмус В. Ф.* Иммануил Кант. М., 1973.

5. *Гулыга А. В.* Кант. М., 1981.

6. *Кузнецов В. Н.* Немецкая классическая философия. М., 2003.

Учебники:

1. В.П. Кохановский, В.П. Яковлев. История философии. Феникс 2011.

2. В.Д. Губин, Т.Ю. Сидорина. История мировой философии. М. 2007.

3. Ред. А.С. Колесникова. История философии. СПб. 2010.

4. История философии: Учебник для вузов / Под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. — М.: Академический Проект: 2005. — 680 с. — («Фундаментальный учебник»).